

Петр Червински

Суффиксальные формы субъективной оценочности в узуальном аспекте (тематическая группа родственных отношений)

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 4, 23-36

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

*Петр Червиньски**

**СУФФИКСАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ
В УЗУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ)**

Слова, называющие людей по виду семейно-родственных связей (*мать, отец, брат, сестра* и т. п.), также как и личные имена, с точки зрения образования форм субъективной оценки отличаются значительной степенью продуктивности. Однако проявляют себя при этом по-разному, не симметрично и не всегда однозначно в отношении используемых при их образовании формантов. Немалую трудность поэтому для не носителя языка составляют не только эта их непоследовательность и неоднозначность, но и само производство таких субъективно-оценочных форм и, прежде всего, их речевое использование, представляющие собой для носителей данного языка сферу не осознаваемого и потому с трудом рефлекслируемого автоматизма. Какие формы возможны, какие из них и в какой мере активны, какие стилистически ограничены и в каком отношении? Когда, в каких коммуникативных условиях, при каком обращении или использовании и с какой субъективно-оценочной характеристикой уместна та или иная из допустимых форм? Какую окраску и какой тип субъективного отношения проецирует тот или иной экспрессивно-оценочный или модификационный суффикс и отчего может зависеть его не всегда однозначная роль? Эти и другие вопросы неизбежно могут возникнуть при обучении языку и в процессе его речевого использования. При этом грамматики, словари, учебная литература не содержат на них ответа. Напрасно искать по этим источникам соответствующих субъективно-оценочных форм в их более или менее полном объеме. Словари и грамматики эти формы фиксируют непоследовательно и только самые распространенные, поскольку это явления в первую очередь речевого узуса, а также потенциальной и субъективно-индивидуальной сферы языкового использования. Активность их к тому же обусловлена семейно-бытовой сферой (Сухих, Зеленская 1997, 1998), относясь к коммуникативным событиям

* Силезский университет.

внутрисемейного типа общения (Борисова 2005: 15), с которыми не носителям языка, если и приходится сталкиваться, то обычно случайно и спорадически, с позиции внешнего наблюдателя и редко участника и изнутри. Собственные внутренние привычки, узуса своего языка, накладываясь на другой, иностранный, мешают понять и увидеть его речевую и экспрессивно-модификационную специфику. Интерференция в этой сфере, не наблюдаемой, не выражаемой, не осознаваемой, осваиваемой на самых ранних этапах овладения родным языком, неизбежно поэтому очень сильна и активна. Конфронтативное представление в связи с этим такого материала имеет особый смысл, позволяя выделить в нем то существенное, что без сравнения с другим языком могло бы быть неощутимым и незаметным.

Неоднозначный и показательный материал для сравнения представляют собой уже сами исходные формы рассматриваемых обозначений, отображающие внутреннюю симметрично-асимметричную двойственность русского и польского представлений, воплощаемую также и далее, в дериватах. Здесь же, в исходных, в первую очередь и, видимо, не случайно, – в отношении женских обозначений. Так, если соотношения *отец / ojciec*, *сын / syn*, *брат / brat*, *внук / wnuk*, *внучка / wnuczka*, *дед / dziad*, *зять / zięć*, *сестра / siostra*, *тётка / ciotka*, *тесть / teść*, *тёща / teściowa* можно признать как соотношения более или менее симметричные, то *мать / matka* и *дочь / córka*, с одной стороны, и *бабка / babka*, с другой, уже требуют объяснений в отношении различий форманта и стилистических маркеров – офиц. и неофиц., разг., неодинаково себя проявляющих в двух языках. К этому необходимо добавить асимметрию различия/неразличия в обозначениях типа *дядя / wuj*, *stryj* (одно и два) *невестка / synowa*, *bratowa*; *племянник / siostrzeniec*, *bratanek*; *племянница / siostrzenica*, *bratanica*, с одной стороны, и *свёкор, тесть / teść*; *свекровь, тёща / teściowa*, с другой, и проблему вторых значений (названия не родственников), не полностью совпадающих в отношении семантики и употребления для русского и польского языков, прежде всего для таких слов, как *брат / brat*, *дед / dziad*, *тётка / ciotka*, *дядя / wuj*, *бабка / babka*.

Таким образом, на первом этапе анализа выделяется следующий комплекс параметров описания обозначенных слов: 1) словообразовательная и узуально-стилистическая нагрузка формантов; 2) отсутствие либо наличие номинативных дифференциаций линии мужского и женского (*дядя / wuj*, *stryj*), а также прямого и бокового (*невестка / synowa*, *bratowa*; *племянник / siostrzeniec*, *bratanek*); 3) различия стилистических маркеров – узуальных сфер; 4) последующая и связанно-обусловленная семантика (использование анализируемых слов в качестве обращений и обозначений не родственников). Параметры соответствуют аспектам, взаимодействующим между собой в отношении каждого – форманты, номинация, узус, семантика – и предполагают на следующих этапах, деривативных шагах,

для себя уточнения и расширения применительно к уровню усложнения состава морфем.

Для перечисленных слов в отношении русского и польского языков, в первую очередь, и это довольно наглядно, характерна различная, точнее не полностью совпадающая в своих результатах, в определенном смысле асимметричная, роль суффикса *-к-* / *-k-*: русскому нейтральному нессуффиксальному слову *мать* соответствует польское нейтральное суффиксальное *matka*, также как русскому нессуффиксальному *дочь* – польское суффиксальное *córka*. И в этом месте, впрочем, как далее и в других, можно отметить внутреннюю тенденцию к симметрично-ассимметричному разбеганию, требующему в своих деривативных и стилистических соотношениях комментария для русского и для польского языков, в чем-то имеющих общее, но различающихся затем в продолжениях и результатах.

Обратим внимание прежде всего на *-к-* / *-k-* с его наличием либо отсутствием в отношении женских названий по вертикали (исходные и нейтральные) и горизонтали (последующие, хотя не всегда производные, не нейтральные):

<i>мать</i> – <i>матка</i> (устар.)	<i>matka</i> – <i>mac</i> (вульг.)
<i>дочь</i> – <i>дочка</i> (разг.)	<i>córka</i> – <i>córa</i> (книжн.)
<i>бабка</i> – <i>баба</i> (разг.-сниж.)	<i>babka</i> – <i>baba</i> (разг.-сниж.)
<i>тётка</i> – <i>тётя</i> (неофиц.)	<i>ciotka</i> – <i>ciocia</i> (разг.)
<i>внучка</i> – <i>внука</i> (устар.)	<i>wnuczka</i> – <i>wnuka</i> (устар.)
<i>невестка</i> – <i>невеста</i> (др. знач.)	<i>0</i> – <i>niewiasta</i> (др. знач., устар.)

Польский язык последовательно использует суффикс *-к-* для образований исходно-нейтральных, вытесняя нессуффиксальные формы в сферу узуальных и стилистических модификаций. В то время как в русском подобной последовательности не наблюдается. Центральные женские обозначения – *мать* и *дочь* – нессуффиксальны, при наличии общей тенденции исходных нейтральных образований с суффиксом *-к-* для последующих, чересступенчатых (*бабка*, *внучка*), боковых (*тётка*) и свойственных (*невестка*) родственных связей и отношений. Центр, тем самым, женская вертикаль ведущего отношения *мать* – *дочь* оказываются выделенными и акцентированными, что в большей степени и в первую очередь касается слова *мать*, суффиксального образования с *-к-* в том же значении в современном литературном языке не предполагающего: *матка* в значении ‘мать’, как устаревшее слово, простонародное и областное.

Вместе с этим возникает проблема, типичная как для русского, так и для польского языка, легко оборачивающейся и с трудом различимой в использовании самими носителями номинативной двойственности, затрагивающей неизбежно вопрос о роли суффикса *-к-* / *-k-*. Проблема касается слов *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka*. Свойственная им узуальная

двойственность симметрично отображается в такой же, хотя и несколько модифицированной, двойственности слов *ded* / *dziad* и, возможно, отчасти русского *дядя*. Двойственность эта связана с тем, что слова с суффиксом *-к-* / *-k-* для *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka* закрепляются за узуальной сферой, определяемой по словарям как официальная и одновременно с этим неофициальная и(ли) разговорная, предполагая рядом стоящие и также определяемые как неофициальные и(ли) разговорные формы *бабушка* / *babcia* и *тётя* / *ciocia*. Особенность данных номинативных форм состоит в том, что характеризуемые как основные и исходные *k*-суффиксальные *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka* не могут быть нейтрально использованы в присутствии или в обращении к определяемому этими словами лицу. Такое их употребление было бы воспринято как грубо невежливое. Использование их нормально предполагает необходимую отстраненность и отвлеченность, т. е. неконтактность, речевой ситуации, что, видимо, и нашло свое отражение в словарях как помета *офици.*, *неофици.*, *разг.* Контактное же употребление таких форм, как *бабушка* / *babcia*, *тётя* / *ciocia* (в присутствии, в обращении или в разговоре о них), определяется как *неофици.* и *разг.*

Не было бы, тем самым, преувеличением сказать, что нейтральных обозначений в указанных случаях нет, есть коррелятивная номинативная пара форм (*бабка* – *бабушка* / *babka* – *babcia*; *тётка* – *тётя* / *ciotka* – *ciocia*), употребление каждой из которых регулируется показателем коммуникативной отстраненности/близости, т. е. модусом узуальности.

К сказанному необходимо добавить возникающую для *баба* – *бабка* – *бабушка* / *baba* – *babka* – *babcia* словообразовательно-номинативную тройственность, получающую не совсем симметричное воплощение в формах *ded* – *дедка* – *дедушка* / *dziad* – *dziadek* (*dziadzio*) с соотношением *0* / *-к-* / *-ушк-* и *0* / *-к-* / *-cia* (*-dzio*, *-ek*). Несуффиксальная форма предполагает обозначением для *баба* / *baba* ‘замужняя деревенская женщина; старая женщина’, т. е. в первом определении – не родственница. Интересующее нас значение ‘мать отца или матери’ в древнерусском языке определяется как второе, т. е. последующее (Срезневский 1958: I, 35). То же отмечает для XIX в. и В. Даль, замечая «более уптрб. умал. бабка, бабушка» (Даль 1955: I, 32). В современном языке это значение оттесняется еще далее, определяясь, в частности, в *Словаре русского языка в 4-х томах* (МАС) уже как пятое, с дополнительным ограничением «обычно с именем собственным, разг., *баба Маня*» (МАС: I, 53).

За значением ‘мать отца или матери’, определяемым для рассматриваемой группы слов как первое, закрепляется в современном языке, таким образом, суффиксальная форма с *-к-*, т. е. *бабка*. Но толкуется это значение при этом неоднозначно: в МАС с отсылкой к *бабушка*, как основному, но без помет; в *Большом толковом словаре русского языка* (БТС) – также с такой отсылкой, однако с пометой для *бабка* как разг.-

-сниж.; *Тематический словарь русского языка* (ТС) толкует *бабка* как основную форму, с пометами офиц. и разг., а *бабушка* – как неофиц., что представляется более точным и дифференцированным определением.

И, наконец, третья форма *бабушка*, как следует из уже сказанного, для современного языка может быть определена в интересующем нас значении как основная, исходная (первое значение по всем словарям), но неофиц., разг., т. е. не нейтральная, соотносимая с офиц. и разг. *бабка*.

В связи со сказанным о номинативно-словообразовательной тройственности русских форм *баба* – *бабка* – *бабушка* возникает вопрос о соотношении формантов *0 / -к- / -ушк-* (для польского языка это были *0 / -k- / -cia* в данном конкретном случае). При возможном его расширении можно было бы говорить о словообразовательном типе, хотя не без необходимых ограничений и оговорок: *дочь* – *дочка* – *дочушка*, *тётя* – *тётка* – *тётушка*, *мать* – *матка* – *матушка*, *дядя* – *дядька* – *дядюшка*, *дед* – *дедка* – *дедушка*, *зять* – *зятька* – *зятюшка*, *свекровь* – *свекровка* – *свекровушка*, *свёкор* – *свекорко* – *свекорушко*, *тесть* – *тестька* – *тестюшка*, *тёща* – *тёщка* – *тёщушка*. Поскольку подобная тройственность в большей степени и последовательности характерна для русского языка, обратимся далее только к русскому материалу, сопоставление с польским, требующее пространных включений и комментариев оставив на будущее.

Решение вопроса о соотношении формантов, если бы оказалось возможным, предполагало бы выводом по крайней мере следующие два следствия, интересные и показательные в отношении семантики выбранной тематической группы в ее номинативных проекциях (названия лиц по родственным связям), семантики в определенном смысле внутренней, имплицитной, скрытой, но потому и проявляющей себя на морфемно-словообразовательном уровне: 1) какую, если не только формальную, опирающуюся на тип основы, подгруппу представляют собой слова, способные объединяться тройственным соотношением *0 / -к- / -ушк-*, отделяясь от тех, которые подобным соотношением не охватываются (*отец*, *сын*, *брат*, *внук*, *внучка*, *сестра*, *племянник*, *племянница*); 2) каким значением обладают словообразовательные форманты *0 / -к- / -ушк-* применительно к *баба* – *бабка* – *бабушка* и той подгруппе, в которой они себя проявляют в соотношениях (*дочь*, *тётя*, *мать*, *дядя*, *дед*, *зять*, *свекровь*, *свёкор*, *тесть*, *тёща*). Указанные два следствия, при условии их разрешения, могли бы открыть возможность в дальнейшем для рассмотрения скрытых аспектов семантики родственных отношений в русском и польском, а затем и других, языках, с учетом последовательно наблюдаемых и выявляемых отличий и сходств, а также дать ключ к анализу последующих образований в данной группе, с другими суффиксами и от других основ, возможно также с определением и выводом для значений формантов, воспринимаемых как субъективно-оценочные, стилистические и узуально-модификационные.

Заслуживает внимания при таком рассмотрении обращение к ближним и коррелирующим значениям анализируемых номинативно-словообразовательных форм. Для *баба* это были бы ‘деревенская (обычно замужняя) женщина; любая женщина; неопрятная женщина; жена, интимный партнер мужчины; бабушка (в речи детей)’ (см. БТС), ‘слабый, нерешительный мужчина, мальчик’ (МАС). *Бабка* – ‘бабушка; знахарка, ворожея’ (БТС), ‘старая женщина, старуха; повивальная бабка’ (МАС). *Бабушка* – ‘мать отца или матери; пожилая родственница; старая, пожилая женщина’ (БТС), ‘старая женщина, старуха’ (МАС). У Даля и у Срезневского (для *баба*, двух других форм у Срезневского нет) даются те же значения, только в другом порядке. У Даля для *баба* сема ‘замужняя’ выносится на первое место, а затем только следует уточнение ‘низших сословий’, у Срезневского данная сема (‘замужняя’) присутствует как единственная при ‘женщина’. И, наконец, еще одно немаловажное обстоятельство: все три слова во всех своих возможных обозначениях лиц – и *баба*, и *бабка*, и *бабушка* – узуально закреплены и(ли) эмоционально окрашены.

Отвлекаясь от видов, порядка, оттенков и экспрессивно-стилистических модуляций, можно было бы вывести следующую закономерность: несUFFIXальная форма *баба* отмечает гендерную реляцию ‘женщина в отношении к мужчине; женское при мужском, женское зрелое, репродуктивное, родившее и рождающее’. У Даля дается показательное в этом отношении примечание к *баба* «особ. после первых лет, когда она была *молодкою, молодницею*». *Баба*, тем самым, фактически, отмечает родовую ступень женского полноправия в роде-социуме, со всей очевидностью, после рождения у нее ребенка, детей. Суффиксальная форма *бабка* характеризует ролевое отношение родового общего – ‘женское родовое знающее, приобщенное к родовому сакральному’. Суффиксальная форма с *-ушк-* (*бабушка*) – ролевое отношение родового ближнего, или внутреннего, непосредственно своего, т. е. *бабка* (родовое общее), но *своя*. В связи со сказанным *-к-*, применительно к данным номинативным формам, можно бы интерпретировать как формант, отмечающий изменение статуса, вывод на следующую ступень – общего родового или последующего по линии рождающего и(ли) продуктивного. И, соответственно, *-ушк-*, по-настоящему *-уш-* (не эквивалент ли польского *-uś?*), поскольку *-к-* (*-уш-* + *-к-*) уже проявил значение в форме *бабка*, – как формант, для ступени последующего (*мать матери, мать отца*), отмечающий смысл, значение близкого и своего¹.

¹ Ср. выведенную нами на основе фольклорного материала закономерность соотношений суффиксов *-к-* / *-ушк-* / *-еньк-*, с семантикой все того же близкого, своего (приобщенного) для *-ушк-* (Червинский 1987).

Показательно, что указанные соотношения можно заметить и во фразеологии (паремиологии), ср.: *Кто бабке не внук*, т. е. всякий; *Не к лицу бабке девичьи пляски* или *У всякой бабки свои ухватки*, отмечающие отстраненность, всеобщность, с одной стороны, и *Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит*; *Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка*; *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, предполагающие близость, освоенность, приобщенность, с другой. *Бабушка* прежде всего своя, в то время как *бабка* – всякого (плюс к этому также внеконтактность/контактность форм с суффиксами *-к-* и *-ушк-*).

Тройственность соотношения $0 / -к- / -ушк-$, если отвлечься от связи с семантикой корня *баб-* и вывести на представление типа, опираясь на выбранный тематический материал (обозначения лиц по виду родственных отношений), можно было бы интерпретировать как первичную, т. е. исходную, и как вторичную, появляющуюся по аналогии и не в полной мере отображающую первоначальный смысл. К первой группе, как представляется, следовало бы отнести из названных ранее *тётя – тётка – тётушка*, *мать – матка – матушка*, *дядя – дядька – дядюшка*, *свекровь – свекровка – свекровушка*, *свёкор – свекорко – свекорушко*; отчасти *дочь – дочка – дочушка*, *дед – дедка – дедушка*, *зять – зятька – зятюшка*; а также такие довольно яркие в указанном отношении примеры, как *батя – батька – батюшка* и *мама – мамка – мамушка*. Примерами для второй могли бы послужить соотношения *тесть – тетька – тетьюшка*, *тёща – тёщка – тёщушка*, сохраняющие некую общую для типа тенденцию, но выводящие ее как бы в плоскость различий не столько оттенков значения, сколько эмоциональной окрашенности.

Возможны несколько видовых проявлений у соотношения $0 / -к- / -ушк-$, имеющих отношение не столько к формантам, сколько к тематическим распределениям, дополнительным смыслам, действующим в группе свойства-родства, хотя и не только в ней. С одной стороны, возможны такие пары, как, скажем, *тётя – дядя* и *свёкор – свекровь*, представляющие собой вид более или менее чистых и парных узуально-модификационных соотношений. С другой, слова типа *мать* и *дочь*, *дед* и *зять*, модификация форм которых предполагает непарность (нет пары по этому показателю для *мать – отец*, для *дочь – сын*, для *дед – баба*, для *зять – невестка*) и узуальную и экспрессивно-эмоциональную не параллельность: *мать – матка – матушка*, *дочь – дочка – дочушка* или *дед – дедка – дедушка*, *зять – зятька – зятюшка* совсем не то, что *тётя – тётка – тётушка* или *дядя – дядька – дядюшка*. С третьей стороны, такие формы, как *батя* и *мама*, допускающие в ряде случаев очевидную лексикализацию, семантическое и узуальное обособление форм: *батя – батька – батюшка*, *мама – мамка – мамушка* могут значительно различаться в значениях и употреблении между собой. И, наконец, такой вид, как *дева – девка* –

девушка (– *девочка*), определяющие позицию молодого добрачного женского в роде-социуме, не с точки зрения родства-свойства, могущие служить примером значительного расхождения, вплоть до лексемного обособления форм.

Пара *тётя* – *дядя* не полностью симметрична, по крайней мере в определениях по словарям. В МАС и ТС исходной и основной признается форма *тётка* (в ТС сопровождаясь пометами офиц. и неофиц., *тётя* – как неофиц., в МАС *тётя* как разг., *тётка* – без помет). В БТС обе формы даны без помет, но *тётя* определяется как исходная (*тётка* содержит отсылку к *тётя*). Узуальную корреляцию этих форм можно было бы уподобить по данному отношению рассмотренной ранее, выведя соответствие: *бабка* так относится к форме *бабушка*, как *тётка* к *тётя*. Соотношение же *дядя* – *дядька* интерпретируется совершенно иначе. В интересующем нас значении ‘брат отца или матери’ по всем источникам исходной формой признается *дядя*, а *дядька* толкуется как фамильярное (БТС), разг. уничижит. (МАС), ТС этой формы, как эмоционально окрашенной, не дает. Иными словами, роль суффикса *-к-* в этом случае разная: *-к-* при мужском оказывается не тем же самым, что *-к-* при женском. Посмотрим, однако, на то, что их может объединять. Обратимся для этого к значениям близким и смежным.

В МАС *тётка* определяется, помимо того, что она 1. Сестра отца или матери, как || Жена дяди (необходимо добавить – не *дядьки!*); 2. *Прост.* Взрослая женщина вообще, а также обращение к женщине, более старшей по возрасту; *тётя* – разг. то же, что *тётка* (в 1 знач.) и то же, что *тётка* (во 2 знач.), с указанием «обычно в языке детей». В БТС *тётка* 1. = *Тётя* (1 зн.); 2. *Пренебр.* Обо всякой взрослой женщине; *тётя* 1. Сестра отца или матери по отношению к племянникам; 2. *Разг.* О знакомой женщине среднего возраста, с пометой «только в сочет. с уменьш. формой собственного имени» (*тётя Даша*, к примеру); 3. Незнакомая женщина, с указанием «в речи детей». *Дядя* в МАС, соответственно, 1. Брат отца или матери. || Муж *тётки* (и опять же – не *тётки!*); 2. *Разг.* Взрослый мужчина вообще, а также обращение к мужчине, более старшему по возрасту. || с определением. *Шутл.* О рослом, сильном мужчине. *Дядька* 1. *Разг.* Уничиж. к дядя. 2. *Разг.* Взрослый мужчина вообще. 3. *Устар.* Слуга в дворянских семьях, приставлявшийся для надзора за мальчиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях. Лицо (обычно унтер-офицер), которому поручалось обучение новобранца в царской армии. Толкование этих форм в БТС существенным образом от приведенных не отличается.

Для данной пары, тем самым, ведущим и основным, стилистически и узуально нейтральным, соотношением будет несуффиксальная форма *дядя* и суффиксальная – *тётка*. Суффикс *-к-* у *дядя* отмечает модифи-

кацию к эмоциональному понижению и(ли), что, в общем-то, в словообразовательном отношении, аналогично, к отстранению (ср.: *дядька* – взрослый мужчина вообще или уничижительно и фамильярно о *дяде*, в его присутствии и обращении к нему такая форма была бы очень резкой, насмешливо-пренебрежительной, грубой), а также тенденцию, для современного языка устарелую, к ролевому смещению и обобщенности в роде-социуме (*дядька* – слуга, воспитатель мальчика, старший и опекун). Для пары *тётка* – *тётя* вторая, несуффиксальная форма дает своего рода встречный по отношению к соотношению *дядя* – *дядька* эффект, предполагая не отстранение и обобщенность, а эмоциональное и ролевое сближение (от *тётка* к *тётя*) – в обращении к ней, в ее присутствии, в речи детей о незнакомой женщине среднего возраста, т. е. возраста матери и отца, родителей, воспитателей, старших по восходящей и первой ступени.

Из сказанного не следует противоположение *дядя* – близкий и свой, а *дядька* – чужой, сторонний. Также как неправомерно было бы говорить, что *тётка* – общее и(ли) отстраненное обозначение родственницы и женщины возраста матери и отца, а *тётя* – то же самое, но только близкая и своя. Отличия эти не семантически и действуют лишь узуально, а узуальное различие этих форм (см. БТС) для *тётка* – *тётя* можно было бы охарактеризовать как тенденцию к аналогии, обратному уподоблению их формам *дядя* – *дядька*, характерному для новейшего времени. В русском языке целый ряд выражений иронически обыгрывает двойственный характер кажущейся близости *дяди*: *Добрый дядя* (о человеке, щедром за чужой счет); *На (чужого) дядю (для дяди) работать*; *для дяди делать что-л.* (работать, делать без выгоды для себя); *Надеемся на (доброто) дядю* или *на чужого дядю* (рассчитывать на то, что дело будет сделано кем-то другим или сделается само собой). В определенном смысле несуффиксальная форма *дядя* лежит вне этого противоположения, семантика близости-отстраненности имеет в этом случае, по-видимому, не столько словообразовательный, сколько лексический смысл. Само значение слова двойственно, объединяя признаки своего непрямого, не прямо близкого, близкого не первой степени, бокового, отчасти стороннего (взрослый мужчина поколения родителей как представитель своего родового, семейного социума), снимая в нем, как в постороннем, опасность чужого и неприязненного (при обращении к нему, разговоре о нем, в отношении младших, детей). Эмоциональное и стилистическое значение в суффиксе *-к-* имеет отчасти характер вторичный и сопровождающий.

В форме *дядька*, по сравнению с *дядя*, подчеркнуто и ощутимо значение социально более низкого: *дядька* – слуга при мальчике, служитель, воспитывающий. Ср. в том же смысле, аналогичные лексикализованные формы с суффиксом *-к-* в русском языке, фигурирующие теперь как

устарелые: *Ванька* – извозчик, *Васька* – мальчик на побегушках, приказчик, *Гапка*, *Манька*, *Парашка* – женские слуги при доме, *девка* горничная, работница в барском доме, *чернавка* – в том же значении, *мамка* – кормилица, *бабка* – повитуха, знахарка. Наличие суффикса *-к-* в этих формах отнюдь не случайно, но, как нам кажется, оно тесно связано, взаимодействует с семантикой, обусловленной узусом применимости слова, в определенном смысле сплавляясь с ним. Семантику формы с *-к-* в каждом подобном случае следует соотносить со значением формы без *-к-* (*дева*, *мама*, *баба* и пр.), в которых семантический признак более низкого статуса, неполноправия, зависимости, подчиненности, социальной несамостоятельности уже обозначен. *Дева* – женщина до замужества, т. е. неполноправная, не хозяйка, не мужняя, зависимая от отца и в роде отца. *Мама* – не только, а первоначально не столько ‘мать’, сколько ‘няня, кормилица’ (у Срезневского, т. е. для древнерусского языка – только ‘кормилица, мамка’). *Баба* – замужняя женщина, в первую очередь низших сословий, крестьянка.

Обратимся к примерам иного рода. Существуют слова, внутри рассматриваемой тематической группы, для которых наличие *-к-* нетипично и(ли) же представляет собой узуально и эмоционально обусловленный вид речевого употребления, вторичного и развивающегося по аналогии. К ним относятся *муж*, *отец*, *внук*, *сын*, *брат*, *сестра*, в основном мужские обозначения, из которых только *сын* и *брат* имеют *к-*суффиксальные формы *сынка* и *братка* – современные разговорно-сниженные, фамильярно-ласкательные, малоупотребительные и словарями не отмечаемые. Отсутствие *к-*суффиксальных форм у этих слов, безусловно, связано с типом основы: не мягкая (как в *мать*, *дочь*, хотя *ж* в *мужь* и *ц* в *отьць* исторически были мягкими, а *-ьць* в последнем слове праславянский суффикс), ударная флексия у *сестра* (не как в *баба*, *дядя*, *тётя*, с ударениями на основе). Можно предположить, что характер основы в данном случае также был не без значения, но это не будет иметь отношения к нашему рассмотрению, достаточно констатировать не случайность отсутствия *к-*суффиксальных форм для какой-то группы.

Вместе с тем в том же интересующем нас материале есть также слова (помимо рассмотренных), имеющие формы с суффиксом *-к-* и соотносимые с несуффиксальными, для которых характер соотношения *-к-* / *0* может позволить лучше понять определяемую роль форманта. Это *батька*, *матка*, *дедка*, *дочка*, *жёнка*, *детки*. Суффиксальные формы этих слов нередко лексикализуются, отходя от значения несуффиксальной формы. И в то же время, не меняя значения, как экспрессивные формы, они типично используются, определяясь не только эмоцией говорящего, но и, едва ли не в первую очередь, условиями употребления, будучи характерны

для узуса той или иной среды, того или иного вида межличностных отношений. Характер таких последующих значений и узуально-коммуникативных предопределений может дать материал к пониманию смысла словообразовательного форманта.

Рассмотрим соотношения форм указанных слов. *Батя* в МАС: *Прост.* и *обл.* Отец; *батька* – *Прост.* и *обл.* Отец; *батюшка* – 1. *Устар.*, *обычно почтит.* Отец. 2. *Разг.* Ласк.-фам. обращение к собеседнику. 3. *Разг.* Священник. У Даля специальных различий в значениях между формами не отмечается, указывается на старинный и областной их характер, а также «почтительно и ласкательно (*батя*), привет всякому стороннему человеку, смб. *батя*, *батяня* батька и брат, братаня, приятель, товарищ. || Старший по чину или званию говорит иногда младшему *батюшка*, давая понять, что снисходит к нему, но что они, впрочем, не ровни». Интересен там же в рассматриваемом отношении пример: *У меня, молодца, четыре отца, пятый батюшка*, Бог, царь, духовник, крестный и родитель. *Батюшка*, тем самым, как бы, если в ряду других и в первую очередь, тот из старших мужских наставников, покровителей, который ближе всех остальных. В БТС: *Батя* 1. *Трад.-нар.* Отец. 2. *Фам.* Священник, поп. 3. *Разг.* О командире воинского подразделения. *Батька* 1. *Трад.-нар.* = Батя (1–2 зн.). 2. На Украине, в Белоруссии и на юге России во время Гражданской войны: глава вооружённых формирований. *Б. Махно. Батюшка* 1. *Трад.-нар.* = Отец. | О Боге или царе. 2. Священник. 3. *Нар.-поэт.* О чем-либо дорогом, жизненно необходимом, важном. *Хлеб-батюшка. Амур-батюшка*. 4. = Батенька (ласк.-фам. обращение к собеседнику).

Выразительна и отдельна, тем самым, форма с *-ушк-* (*батюшка*), отмечая идею контакта и приближения, особой, внешне отображаемой, **ищущей** и почтительной, почитающей, близости, близости устанавливаемых, завязываемых, подчеркнутых отношений к тому, кто обозначается корнем слова. Отсюда и ролевой характер (модели рода и социума) в традиционно-обрядовых текстах, в фольклоре форм типа *матушка*, *батюшка*, *детушки*. Суффикс *-к-*, как представляется, отмечает семантику близости равному и(ли) стороннему. Это форма контакта не ищущего, уверенного в установленной связи и поэтому внутренне непосредственного, освобожденного. Отсюда возможность использования ее о третьем лице, вне его присутствия, либо о нем при нем, но как об освоенном, сообщаемом другому. В формах *матка*, *дедка*, *дочка*, *жёнка*, *детки* указанные оттенки употребления, связанные, с одной стороны, с вторичной семантикой лексикализации и эмоционально-экспрессивными и стилевыми (среды, регистра) сопровождениями речевого узуса, с другой, хорошо заметны. Укажем только на некоторые особенности названных форм. У Даля *матка*, кроме прямого значения матери: || баба, женщина; || самка

(кобыла, пчела); || предводитель в игре; || женская утроба, черевцо; || плодник (у растений); || источник чему-либо, место рождения, происхождения, корень и пр. В БТС 1. Самка-производительница у животных; 2. Внутренний женский половой орган; 3. = Маточник; 4. *Нар.-разг.* = Мать; 5. *Нар.-разг.* О вожаке, предводителе в некоторых играх. Значение у *матка* (по сравнению с *мать*) выходит более широкое, общее, гиперонима, вне контакта, не привязанное, не личное – по роду и родовое.

Дедка в МАС дается как уничиж. и ласк. к *дед*. У Даля *дедушка* или *дедка*, почетное прозвание домового (отличие контактно-ищущей и внеконтактной, освоенной формы), в то время как *знахарь* или *колдун* – *дедок* (ср. коррелят того же значения, ‘знахарка, колдунья’: *бабка*, т. е. в данном случае -к- женского соответствует -ок, а не -к- мужского).

Дочка в МАС во 2-м знач. «В обращении пожилого или взрослого человека к молодой женщине, девушке, девочке». В БТС также *Маменькина дочка* (о слишком избалованной, изнеженной девочке, девушке), *дочушка* дается как усилит. У Даля различия в формах специально не оговариваются, но показательны употребления форм во фразеологии: *По матери дочка пошла. Материна, отца дочка* (свое и близкое, для себя, в отношении себя) и *Дочь, чужое сокровище. Хоть да корми, учи да стереги, да в люди отдай. Сын в дом глядит, дочь из дому* (свое для других, в чужой род). И *дочка* или *дочка, дочуха* (обл.) свинка, молодая свинья, т. е. самка (ср. в коррелятивном знач. самки – *матка*). Суффикс -к- в данном случае (*дочь* – последующее и младшее) отмечает близость внутренне своего, своего как данного (потому и контакта не ищущего). Контактная форма *дочушка* в этой связи не то же, что *матушка* или *батьюшка* как ролевые, с оттенком почтения, а эмоционально усиленная форма особо подчеркнутой внутренней близости.

Форма *жёнка* по своему характеру тяготеет к семантике -к- в словах *мамка, дядька, бабка*, обозначая (у Даля) женщину, бабу, жену и вдову простолюдина, *арх.(ангельское)* поденщица, отмечая, тем самым, как бы понижение статуса и роль зависимого. Однако не полноправна, зависима от мужа была и *жена*, поэтому -к- усиливает и закрепляет регистровое снижение семантикой внеконтактной, освоенной (свойской) близости. В современном языке форма *жёнка* определяется как разг.-прост. и фам.-ласк., подчеркнутой непосредственности, свойскости употребления.

И, наконец, *детка, детки* можно рассматривать в том же ключе, в отличие от *дети* и *детушки*. В БТС *детка* – разг. обращение к ребенку; одно из названий личинок и куколок пчел (корреляция к *матка*), также и в МАС; *детки* – ласк. дети; об отростках, молодых побегах растений. У Даля тенденция сохраняется: различия между формами нет, но из фразеологии следует особая близость у *детки* (как в *дочка*). Обращает вни-

вание также значение || В виде ласки, привета младшему, подчиненному, а от духовного лица всем мирянам (коррелят *батюшки*). *За мною, детки; вперед деточки, детушки!* привет и одобрение солдатам. Младшее, неполноправное, близкое как свое зависимое проявляет себя в семантике слова (*дети, дитя*). Суффиксы *-к-* и *-ушк-*, в свою очередь, определяют значение употребления, акцентируя ту или иную форму внутренне своего и потому к нему нисходящего (*детки*) или контактно ищущего и(ли) контакт устанавливающего (*детушки*).

Значения анализируемых форм, тем самым, как представляется, обуславливаются лексическими значениями слов, неоднозначно определяющих тип родовых отношений – женское или мужское, полноправное или зависимое, старшее или младшее. Словообразовательные форманты *-к-* и *-ушк-*, присоединяясь, отмечают тип и характер степени приближения – общего внеконтактного (*-к-*) или контактно близкого (*-ушк-*), распределяясь затем узуально и семантически.

Затронутые различия суффиксально себя выражающих форм-обозначений родства в лексико-семантическом, узуальном и экспрессивном соотношениях проявляют себя и далее, для других суффиксальных форм, с другими формантами-суффиксами. Различия эти, лексикализуясь в отдельных случаях, закрепляясь коммуникативно и узуально в отношении социально и экспрессивно обозначаемого ими лица и(ли) среды речевого использования, воплощают, с одной стороны, семантику категорий, определяющих комплексы представлений родства, а с другой, релятивную, внутреннюю, не осознаваемую семантику самих формантов, лишь на поверхностном уровне воспринимаемую как показатели субъективной оценки и эмоциональности, определяемые по грамматикам и словарям как ласкат., уничижит., фам, груб., пренебр. и т. п. И то и другое в данной статье могло быть в самом общем виде только намечено, на примере соотношений 0 / *-к-* / *-ушк-* для некоторых слов из группы родства. Дальнейший анализ, с определением самих указанных категорий и вероятных значений формантов, потребует более обстоятельного углубления в материал и широкого привлечения сопоставительных данных.

В заключение хотелось бы лишний раз обратить внимание на то, что если между формами, скажем, такими, как *дева – девка – девушка – девочка – девонька – девчушка – девчонка – девчоночка* существует как узуальное, так и смысловое отличие, то оно не случайно и не исчерпывается различиями субъективной оценки. За этим стоит что-то большее и системное. Так же как, если *братик* – обычно маленький или младший брат по отношению к старшему и нередко в речи взрослых, обращенной к нему, а *браток* – редко ‘брат’, но гораздо чаще дружески фамильярное обращение равного к равному в мужской среде, то как объяснить это,

исходя из того, что *-ик* и *-ок* определяются по грамматикам как морфы одного общего суффикса? Так же как трудно определить, а тем более объяснить узуальное и смысловое различие в формах *сестрица*, *сестричка*, *сестрёнка*, *сеструха*, *сеструня*, *сестрёнок*, *сёстрынька* и т. п., исходя из даваемых по грамматикам характеристикам соответствующих формантов, определяемых нередко как уменьшительные, ласкательные или ласкательно-уменьшительные. Чем объяснить то, что форма *папка* вовсе не коррелирует, как может показаться на первый взгляд, с формой *мамка*, расходясь с ней как узуально, так и эмоционально и семантически? Или то, что, скажем, такие пары, как *дядя* – *дядюшка*, *тётя* – *тётушка* предполагают обозначением родственника (родственницу), а *дядя* – *дяденька*, *тётя* – *тётянька* – лицо скорее стороннее и незнакомое, в то время как *дядечка*, *тётечка* может быть как тем, так и другим при типичном употреблении. Эти и другие вопросы, легко возникающие в связи с очевидными соотношениями форм, невозможно решить, опираясь на существующие словарные определения и грамматические характеристики, необходимо системный и категориальный анализ всего материала – участвующих в создании соответствующих форм лексических единиц и формантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова И. Н.** (2005), *Русский разговорный диалог. Структура и динамика*, Москва.
- БТС** – *Большой толковый словарь русского языка* (2000), ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
- Даль В. И.** (1955), *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4, Москва.
- МАС** – *Словарь русского языка в четырех томах* (1981–1984), ред. А. П. Евгеньева, Москва.
- Русская грамматика*, (1980), ред. Н. Ю. Шведова, т. 1–2, Москва.
- Срезневский И. И.** (1958), *Материалы для «Словаря древнерусского языка»*, т. 1–3, Москва.
- Сухих С. А., Зеленская В. В.** (1997), *Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации*, Краснодар.
- Сухих С. А., Зеленская В. В.** (1998), *Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса*, Краснодар.
- ТС** – **Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В.** (2000), *Тематический словарь русского языка*, ред. В. В. Морковкин, Москва.
- Червинский П. П.** (1987), *Словообразовательные и лексико-синтаксические типы языковых единиц в народной песне*, [в:] «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки», № 3, с. 112–117.
- Червинский П. П.** (1999), *Творчество и коммуникативный процесс*, т. 1, <http://www.nicomant.org>.